

Как гласит *Первый свиток Когда Вечно Изумленного*, стояло солнцу озарить своими лучами все сущее, вышел Когда из пещеры в первый день оставшейся ему жизни. Некоторое время он разглядывал восходящее солнце, ибо прежде никогда его не видел.

Затем потыкал сандалией безмятежно спящее тело Удурка, своего ученика.

— Я видел. И понял я,— торжественно изрек он.

Он вдруг замолк, воззрившись на то, под чем спал Удунок.

— Что это за поразительная вещь?! — воскликнул он.

— Э... Э... Дерево, о учитель,— ответил Удунок, протирая заспанные глаза.— Забыл, что ли? Оно и вчера здесь росло.

— Не было никакого вчера.

— Э... Э... А по-моему, очень даже было, о учитель,— возразил Удунок, с трудом поднимаясь на ноги.— Мы пришли сюда, я приготовил ужин, потом твой скланг почистил, поскольку есть кожуру ты отказался... Помнишь?

— Я помню вчера, — с задумчивым видом признал Когад. — Но то лишь воспоминание в моей голове. Был ли вчерашний день реальным? Или реально лишь воспоминание о нем? Воистину, я не вчера родился.

Лицо Удурка выразило мучительное непонимание.

— О мой верный, глупый Удурок, я познал всё и вся, — продолжал Когад. — Вот чаша моей ладони. Что в ней? Прошлое? Будущее? О нет, там только то, что сейчас. Нет времени, кроме настоящего. И нам предстоит большая работа.

Удурок предпочел промолчать. Учитель как-то изменился. В его глазах появился блеск, а когда он двигался, в окружающем воздухе возникало серебристо-голубое свечение, как будто отражения в жидких зеркалах.

— Она поведала мне все, — сообщил Когад. — И теперь я знаю: время было создано для людей, а не наоборот. Я умею придавать ему форму и искривлять его. Могу заставить мгновение длиться вечно, ибо оно и есть вечность. И могу научить всему этому даже тебя, Удурок. Я слышал, как бьется сердце вселенной. Узнал ответы на многие вопросы. Спрашивай же.

Ученик воззрился на него мутными глазами. Сегоднешнее раннее утро выдалось слишком ранним. Это он знал наверняка.

— Э... Что учитель хочет на завтрак?

Когад простер взгляд поверх заснеженных равнин и лиловых гор, обозрел золотистый солнечный свет, создающий окружающий мир, и поразмыслил немного над определенными аспектами человеческой природы.

— А, — сказал он. — Сразу к самому сложному.

Чтобы что-то существовало, оно должно быть наблюдаемо.

Чтобы что-то существовало, оно должно обладать положением во времени и пространстве.

Именно этим объясняется тот факт, что девять десятых массы вселенной никак не учтены.

Девять десятых вселенной — это знание о местоположении и направлении всего того, что содержится в оставшейся части. У каждого атома есть своя биография, на каждую звезду заведено досье, за каждой химической реакцией приглядывает инспектор с блокнотиком. Не учтены эти девять десятых именно потому, что они заняты учетом оставшейся части и, соответственно, не видят собственного затылка*.

Девять десятых вселенной — это, по сути, канцелярская работа.

И если вы ожидаете услышать очередную занимательную историю, вам следует помнить: истории не развиваются. Они *сплетаются*. События, происшедшие в разное время в разных местах, сходятся в одной крохотной точке времени-пространства, которая и является так называемым идеальным мигом.

Предположим, короля убедили надеть новое платье, сшитое из ткани настолько тонкой, что для невооруженного глаза этого платья не существует вовсе. А также предположим, что некий мальчик весьма громко и недвусмысленно обратил внимание на сей факт...

И вот она, Повесть О Короле, Который Ходил По Улицам Голым.

* Ну разве что вселенная совсем крохотная.

Но чуть-чуть добавим фактов, и это станет Повестью О Мальчике, Которого Хорошенько и Заслуженно Выдрали За Неуважение К Царствующей Особе.

Или Повестью О Толпе, Которую Мигом Окружили Стражники, Предупредившие: «Ничего Такого Не Было, О'Кей? Или Кто-То Хочет Поспорить?»

Или повестью о том, как целое королевство быстро осознало преимущества «нового платья» и с головой погрузилось в модные, полезные для здоровья игры на свежем воздухе*, и число сторонников этих занятий с каждым годом росло, что привело в итоге к экономическому спаду, вызванному крахом легкой промышленности.

А еще можно было бы рассказать Повесть Об Эпидемии Пневмонии Девятого Года.

Все зависит от того, сколько вы знаете.

Предположим, тысячи и тысячи лет вы наблюдаете за медленным накоплением снега. Он накапливается и накапливается, все больше нависая над крутым склоном, пока наконец не сползает огромным айсбергом в море. И плывет этот айсберг через студёные воды, и несет он на себе счастливых белых медведей и котиков, полных радужных надежд на дивную, новую жизнь в другом полушарии, где, по слухам, льдины кишмя кишат хрустящими пингвинами, как вдруг — БАБАМ! Трагедия явилась из темноты в виде огромной глыбы железа, которое, по идее, вообще не должно плавать, и крайне волнительного саундтрека...

* Включающие в себя очень большие пляжные мячи, но не только.

...Но мы отвлеклись. Итак, вам хотелось бы знать всю историю.

Что ж, эта история начинается с письменных столов.

Данный стол, несомненно, принадлежит профессионалу. Как говорится, моя работа — это моя жизнь, и наоборот. Есть, правда, некие... человеческие штришки, но их ровно столько, сколько допускают строгие правила, управляющие холодным миром служебных обязанностей и рутины.

В основном штришки сосредоточены на единственном цветном пятне в этом черно-сером мире. Мы говорим о кофейной кружке. Кто-то где-то решил сделать эту кружку *веселенькой*. И нанес на нее довольно-таки неубедительное изображение плюшевого мишки с надписью «Лучшему Дедуле На Свете», причем, судя по использованию весьма специфического термина «дедуля», кружка эта была куплена в одном из киосков, где продаются сотни подобных кружек, предназначенных лучшим на свете дедулям/бабулям/папулям/мамулям/тетулям/дядюлям/впишите-самомулям. Такой ерундовиной может дорожить только тот, чья жизнь, как ему кажется, содержит очень мало чего еще.

Кстати, кружка в данный момент содержит чай с ломтиком лимона.

На большом унылом столе лежит похожий на ко-су нож для разрезания бумаги и стоят несколько песочных часов.

Смерть берет кружку в костлявую руку...

...И, глянув на надпись, которую читал уже тысячу раз, сделал глоток, после чего поставил кружку обратно на стол.

— НУ ХОРОШО,— сказал он голосом, похожим на звон погребальных колоколов.— ПОКАЖИ МНЕ.

На столе помимо перечисленного выше стояло некое механическое приспособление. Да, именно приспособление, это слово тут подходит как нельзя лучше. Основными его частями были два диска, приспособленные друг к другу. Горизонтальный, с расположенными по окружности крохотными квадратиками, которые при ближайшем рассмотрении оказались клочками ковра. И вертикальный, с огромным количеством спиц, на конце каждой из которых был наколот ломтик намазанного маслом тоста. При вращении вертикального диска ломтики начинали свободно крутиться вокруг своей оси.

— КАЖЕТСЯ, Я НАЧИНАЮ УЛАВЛИВАТЬ ОБЩИЙ ПРИНЦИП,— сказал Смерть.

Крохотное существо рядом с приспособлением лихо отдало честь и просияло, насколько вообще способен «сиять» крысиный череп. Опустив на пустые глазницы защитные очки и подобрав балахон, существо вскарабкалось на машину.

Смерть и сам не был уверен, почему он некогда решил Смерти Крыс вести независимое существование. В конце концов, быть Смертью означало быть смертью *всего*, включая грызунов всевозможных видов и мастей. Хотя, наверное, каждый нуждается в крохотной частице самого себя, которой позволяется, выражаясь метафорически, бегать гольшом под дождем*, думать о неммыслимом, прятаться по углам

* Весьма переоцененное занятие, надо заметить.

и оттуда шпионить за окружающим миром, а также совершать всякие запретные, но такие приятные деяния.

Смерть Крыс приналег на педали. Диски начали вращаться.

— Здорово, правда? — раздался хриплый вороний голос над самым ухом у Смерти.

Принадлежал он Каркуше, самозваному транспортному средству и приятелю Смерти Крыс. Во всяком случае, именно под этим предлогом он самоприсоединился к местному хозяйству. А вообще, как утверждал Каркуша, «все это токмо заради глазных яблок».

Коврики на горизонтальном диске прилежно крутились, а крошечные тосты беспорядочно шлепали по ним, иногда с маслянистым хлюпаньем, иногда без оно-го. Каркуша внимательно следил за происходящим — на тот случай, если вдруг в дело пойдут глазные яблоки.

Чтобы изобрести механизм, повторно наносящий масло на тост, должно быть, ушло порядочное количество времени и усилий. Но куда труднее было изобрести устройство, которое считывало бы число покрытых маслом ковриков.

Через пару полных оборотов стрелка прибора измерения соотношения намасленных ковриков и ненамасленных достигла значения шестидесяти процентов, и диски остановились.

— НУ И? — сказал Смерть.— ЕСЛИ ТЫ ПОВТОРИШЬ ПОПЫТКУ, ВПОЛНЕ МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ, ЧТО...

Смерть Крыс переключил рычаг и снова принялся крутить педали.

— ПИСК,— приказал он, и Смерть послушно наклонился поближе.

На сей раз стрелка поднялась всего до сорока процентов.

Смерть наклонился еще ближе.

Восемь ковриков, которые на этот раз испачкались маслом, были именно теми, что избежали данной участи при первой попытке.

Внутри приспособления застрекотали похожие на пауков шестерни, и откуда-то из его недр на неуверенно дрожащих пружинках (визуальный эквивалент спецэффекта «прыг-прыг») вывалилась табличка.

А еще через мгновение вспыхнули две искорки. Разбежавшись в стороны, шипя и потрескивая, они прочертили слово «ЗЛОНАМЕРЕННОСТЬ», после чего погасли.

Смерть кивнул. Ничего другого он и не ожидал.

Он пересек кабинет — Смерть Крыс вприпрыжку бежал впереди — и подошел к большому зеркалу. Поверхность его была темной, как дно колодца. Рама, само собой разумеется, была украшена узором из черепов и костей — не мог же Смерть смотреться в свой череп при помощи зеркала, украшенного херувимчиками и розочками.

Смерть Крыс, быстро работая когтистыми лапками, взобрался на самый верх и выжидающе уставился на Смерть. Подлетел Каркуша и, глянув в зеркало, на всякий случай клюнул свое отражение. Его принцип существования был весьма прост: в жизни надо попробовать все.

— ПОКАЖИ МНЕ,— приказал Смерть.— ПОКАЖИ МНЕ... МОИ МЫСЛИ.

Появилась шахматная доска, но она была треугольной и настолько громадной, что виден был только ближний угол. Именно здесь, на этой вершине треугольника, находился весь мир — черепаха, слоны, крошечное, движущееся по орбите солнце и все остальное. Это был Плоский мир, существующий на грани полной невероятности, то бишь в самой что ни на есть пограничной зоне вселенной. Ну а в пограничной зоне, как известно, границы зачастую нарушаются, и с той стороны в нашу вселенную могут проникнуть существа, на уме у которых не только обеспечение счастливой жизни своему потомству и счастливый труд в плодородной и домашне-бытовой областях.

На всех остальных черных и белых треугольниках уходящей в бесконечность шахматной доски, стояли маленькие серые фигурки, похожие на пустые плащи с капюшонами.

«Почему именно сейчас?» — подумал Смерть.

Он узнал их. Они не были жизненными формами. Скорее, они были формами безжизненными. Они наблюдали за работой вселенной, были ее служащими, ее *аудиторами*. Они следили за тем, чтобы все крутилось, а вода текла.

А еще они знали истину: чтобы что-то существовало, оно должно обладать определенным положением во времени и пространстве. Появление человечества стало для них пренеприятнейшим потрясением. Человечество воплощало в себе вещи, у которых не было и не могло быть положения во времени и пространстве, такие как воображение, жалость, надежда, история и вера. Если лишить человека всех этих качеств, останется только падающая с деревьев обезьяна.

То есть разумная жизнь являлась аномалией. Она вносила беспорядок. А Аудиторы *ненавидели* беспорядок. Периодически они пытались чуток прибраться.

В прошлом году астрономы Плоского мира стали свидетелями плавного перемещения звезд через все небо. Всемирная черепаха вдруг взяла и крутнулась вокруг своей оси. Никто так и не узнал, почему так случилось, ибо толщина мира не позволяла увидеть причину, а на самом деле это Великий А'Туин внезапно высунул из панциря свою древнюю голову и поймал пастью летевший с огромной скоростью астероид, прямое попадание которого в Диск означало бы, что больше никому никогда не пришлось бы покупать календари.

Как выяснилось, от столь очевидных опасностей мир умел себя оградить. Поэтому в последнее время серые плащи предпочитали действовать более скрытно и подло в своем бесконечном стремлении создать вселенную, в которой не происходит абсолютно ничего непредсказуемого.

Эффект «маслом-вниз» являлся примитивным, но очень недвусмысленным индикатором. Он показывал повышение активности Аудиторов. «Сдавайтесь,— гласило их никогда не меняющееся послание.— Станьте слизью, вернитесь в океаны. Слизь — это наше всё». Но грандиозная игра шла на многих уровнях, и Смерть знал об этом. Хотя зачастую было нелегко определить, кто именно играет.

— У КАЖДОЙ ПРИЧИНЫ ЕСТЬ СЛЕДСТВИЕ,— громко сказал он.— ЗНАЧИТ, У КАЖДОГО СЛЕДСТВИЯ ЕСТЬ ПРИЧИНА.

Он кивнул Смерти Крыс.

— ПОКАЖИ МНЕ,— велел он.— ПОКАЖИ МНЕ
НАЧАЛО.

Тик

Дело было морозной зимней ночью. В заднюю дверь домика послышался стук, да такой сильный, что с крыши лавиной сошел снег.

Девушка, вертевшаяся перед зеркалом в своем новом головном уборе, опустила и так низкий вырез платья еще ниже на случай, если вдруг явился мужчина, и открыла дверь.

На фоне скованного морозом звездного неба маячил темный силуэт. На плечах гостя скопились маленькие сугробики.

— Госпожа Ягг? Повитуха? — уточнил силуэт.

— Госпожа, да без господина! — не без гордости ответила девушка.— И да, самая что ни на есть ведьма.

И ткнула пальцем в свою новенькую остроконечную шляпу. Девушка еще пребывала в стадии, когда такую шляпу носят даже дома.

— Ты должна немедленно пойти со мной. Дело очень срочное.

Девушка заметно запаниковала.

— Что-нибудь случилось с госпожой Ткач? Мне казалось, она должна рожать через пару не...

— Я проделал долгий путь,— перебил силуэт.— Мне сказали, ты лучшая из лучших.

— Кто? Я? Да я только одни роды и приняла! — Вид у госпожи Ягг стал затравленным.— Тетка Спектива гораздо опытнее меня! Да и старая Минни Прямс! Гос-

пожа Ткач будет моим первым соло, да к тому ж она сложена как комод...

— Прошу меня простить. Не смею больше злоупотреблять твоим временем.

Незнакомец скрылся за стеной падающего крупными хлопьями снега.

— Эй? — крикнула госпожа Ягг. — Э-ге-гей?

Но от незнакомца остались только следы. Которые обрывались прямо посреди засыпанной снегом тропинки...

Тик

В дверь кто-то громко забарабанил. Госпожа Ягг сняла с коленей ребенка, подошла к двери и отодвинула щеколду.

На фоне теплого летнего неба вырисовывался темный силуэт, вот только его плечи выглядели несколько странно.

— Госпожа Ягг? Надеюсь, теперь с господином?

— Агась, — весело откликнулась госпожа Ягг. — Уже с двумя по очереди. Чем могу...

— Ты должна немедленно пойти со мной. Дело очень срочное.

— Но я и не думала, что кто-то собирается...

— Я проделал долгий путь, — перебил силуэт.

Госпожа Ягг промолчала. Как-то странно незнакомец произнес слово «долгий». Она вдруг поняла, что на его плечах лежит снег, правда быстро таявший. И начала что-то смутно припоминать.

— Ладушки, — кивнула она, потому что многому научилась за последние двадцать или около того лет. —

Спроси у кого хошь, я всегда чем могу помогу. Но лучшей из лучших я б себя не назвала. Всегда стремлюсь к новым знаниям, вот такая я пытливая.

— О, в таком случае я навещу тебя в более подходящий... момент.

— Слушай, а снег?..

Но незнакомец не то чтобы исчез, а просто прекратил присутствовать.

Тик

Громкий стук в дверь. Нянюшка Ягг аккуратно поставила на стол стаканчик с бренди, который всякий раз опустошала на сон грядущий, и на мгновение уставилась в стену. Многолетние занятия граничным ведьмовством* обострили чувства, о существовании которых большая часть людей даже не подозревают. Что-то в ее голове отчетливо щелкнуло.

На каминной полке начинала закипать вода для грелки.

Нянюшка положила на стол трубку, тяжело поднялась и открыла дверь, впустив в дом пахнувший ранней весной полуночный воздух.

— Думается, ты проделал долгий путь,— сказала она, ничуть не удивившись появлению темной фигуры.

— Это правда, госпожа Ягг.

— Все меня кличут нянюшкой.

* Граничная ведьма — ведьма, зарабатывающая себе на жизнь ходьбой по грани: между жизнью и смертью, светом и тьмой, добром и злом, и, что самое опасное, между сегодня и завтра.

Она посмотрела на стекавшие по плащу капли воды, в которые превращались тающие снежинки. Снега не было уже больше месяца.

— И дело срочное, я полагаю? — добавила она, припоминая уже происходившее.

— Именно так.

— А теперь тебе следует сказать: «Ты должна пойти со мной немедленно».

— Ты *немедленно* должна пойти со мной.

— Что ж, — откликнулась она. — Согласна. Я очень хорошая повивальная бабка. Хоть и не к лицу себя так нахваливать, но уж за сотню-то я в этот мир проводила. Даже у троллей принимала, а это занятие ой каких навыков требует! И взад, и вперед в родах разбираюсь, а иногда и вдоль, и поперек. Но всегда стремлюсь к новым знаниям. — Нянюшка скромно потупила взор. — Не могу сказать, что я лучше всех, но лучше себя никого не знаю. Вот как на духу.

— Ты должна немедленно проследовать за мной.

— Должнее некуда?

— Да!

Грани смещаются очень быстро, поэтому граничная ведьма должна думать еще быстрее. А также она должна уметь предчувствовать момент, когда начинается миф. В такой миг самое главное — ухватить этот самый миф за хвост и постараться не отстать.

— Я только прихвачу...

— Нет времени!

— Но не могу же я пойти в...

— *Немедленно.*

Нянюшка вытащила из-за двери свою повивальную сумку, которую всегда держала наготове именно ра-